

И дальнейшее в похвале князьям — органично для литературы XV в., но невозможно в рязанской повести XIII в.: „святаго корени отрасли и богом насажденного сада цвети прекрасная“, и вся оцерковленная характеристика-похвала убитых князей. То, что в „Слове о житии“, в агиографической манере, представляет похвальную характеристику героя — Дмитрия Донского, без всякого основания перенесено на убитых князей. Даже явный отголосок жития Александра Невского („и во всех странах славно имя имяше...“) сочтен органичной частью рязанского плача. Таким образом, весь плач Ингваря справедливее рассматривать как риторическое развитие старой рязанской повести, в котором использован плач Евдокии, похвала Дмитрию Донскому и горестные восклицания самого автора „Слова о житии“ („се бо в горести душа моя язык мой связается“ и т. д. — стр. 179). Автор этой рязанской переделки воспользовался материалом из разных частей „Слова о житии“. Этим он отличается от других подражателей, которые заимствовали лишь из плача Евдокии. Плач Юрия Всеволодовича — сокращение рязанского плача Ингваря.

Патриарх Иов, слагая в начале XVII в. „Житие“ царя Федора Иоанновича, несомненно вспоминал не раз оцерковленную биографию Дмитрия Донского — „Слова о житии и о преставлении“ великого князя московского. Гиперболизм в изображении общего сетования по случаю смерти царя Федора и плачевные возгласы самого Иова напоминают плач автора „Слова о житии“, с его церковно-риторическими вопрошаниями и преувеличенным описанием горя. Плач Иова — это, в сущности, публицистическое рассуждение на тему о конце династии, но построенное в манере церковного ораторства, а в лирических местах принимающее форму плача: „Отселе убо что реку и что возглаголю? слез настоящее время, а не словес, плача, а не речи, молитвы, а не бесед. Или откуда начну произносити слово плачевнаго повествования? кое ли преставлю начало слезнаго излития? Како ли возведу время скорбнаго рыдания? како же и коснуся делу, преисполнену уныния? како ли возмогу подробну сказати случившуюся скорбь в земли благочестивыя Руския державы? Хотех убо словом изрещи, но грубость разума запинаят ми, и язык утерпевае, и души уныния наносит. Хотех же и писанию предати¹ но руку скорбь удерживает ми“¹. Последние слова прямо ведут к плачу автора „Слова о житии“ Дмитрия Донского, хотя зачин дальнейшего плача строится по библейской формуле (пророка Иеремии гл. IX, I): „зде убо пророческая вещания слово на нас яве совершися: кто даст главе моей премногую воду и очесем моим источник слез, яко да плачу довольно настоящую скорбь сию. О сем же ин пророк глаголет: весь день сетуя хождях“.

Весь следующий за этим гиперболическим описанием горя плач автора состоит из риторически выраженного рассказа о том, что после смерти царя Федора Иоанновича „прекрасный и многолетний царский престол Великия Россия вдовствовати начинает“. То, что в плаче автора в „Житии“ Федора Иоанновича было основной темой — тревога о наследнике престола — в плаче вдовы царя Федора, царицы Ирины окрасило ее горестные сетования, выраженные словами плача Евдокии. В заимствованном из „Слова о житии“ тексте этого плача встречаем такие злободневные вопросы бездетной царицы: „Кому свой царский скифетр вручаеши... о пастырю добрый, кому стадо свое вручаеши... Увы мне, смиренней вдовице, без чад оставшейся. На кого ли возрю, или о ком утешуся, не имея чад твоего царьскаго корени? Мною бо ныне единою

¹ ПСРА, т. XIV, СПб., 1910, стр. 18.